
СЛОЖИЛАСЬ ЛИ В АМЕРИКЕ РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ?*

Гринин Л. Е.**

В данной статье автор не просто рассуждает о последних событиях в США, но пытается понять с точки зрения современной теории революции, насколько сложившаяся ситуация в этой стране соответствует условиям для революции. В США уже с конца 2016 г. идет гибридная гражданская война, которая ведется в разных формах, и в настоящее время она стала принимать революционные формы. А поскольку революционная активность развивается в рамках усиливающейся гибридной гражданской войны между двумя главными группировками американской элиты, это придает событиям значительное своеобразие по сравнению с классическими революциями. В известной мере это случай, который еще не был описан в теории революции.

Ключевые слова: США, демократия, революционная ситуация, революция, националисты, глобалисты.

In the present article the author not only considers the recent events in the USA but also tries to interpret within the frames of modern theory of revolutions to what extent the current situation in this country meets the conditions for revolutions. Already from the end of 2016, there unfolds a hybrid civil war in the USA which takes different forms and at present has started to acquire revolutionary traits. And since the revolutionary activities develop within the frame of increasing hybrid civil war between two major groups of the American elite, the events become considerably peculiar in comparison with classic revolutions. To a certain extent this is a case that has not been yet described by the theory of revolutions.

Keywords: USA, democracy, revolutionary situation, revolution, nationalists, globalists.

Глубокий раскол элиты, на мой взгляд, – это главная особенность сегодняшней ситуации в США. Такого явного раскола в стране не было очень давно, и он продолжает усиливаться. Другая особенность – демократия снизу (которая способствовала избранию Трампа), то есть это давно устоявшая демократия, хотя и клонящаяся к упадку. Третья особенность – раскол населения по штатам, есть устойчиво республиканские и устойчиво демократические штаты. Наконец, четвертая особенность – наличие довольно многочисленного цветного населения, объединенного общей ментальностью, направленной против белого большинства, ясными антропологическими признаками (цвет кожи) и относительно компакт-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №18-18-00254).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, г. н. с. Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. E-mail: leonid.grinin@gmail.com.

ным расселением. И это меньшинство достаточно сплоченное, так как имеет свою идеологию, идеологов и собственные организации, способно быстро организовываться. Пятая особенность – возможность государства относительно легко эмитировать средства в бюджет, что способствует погашению недовольства населения. Все эти особенности, конечно, требуют большой гибкости при приложении теории революции к ситуации в США, тем не менее многое данная теория может и прояснить. В настоящей статье для опоры на теорию революции использованы (из очень большого количества работ по теории революции) только следующие работы: [Tilly 1975; 1978; Goldstone 1991; Halliday 1999; Beck 2011; Mitchell 2012; Sanderson 2016; Хантингтон 2004; Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017; Гринин 2017а; 2018; Гринин, Коротаев 2020].

Как уже было сказано, в США с 2016 г. идет гибридная война между двумя частями элиты. Революционного типа выступления чернокожих являются частью этой войны. Налицо перестановка классической последовательности, так как обычно гражданские войны не предшествуют революциям, а следуют за ними [Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017]. Но гибридная гражданская война, конечно, нечто иное, чем горячая гражданская война. Если вспоминать в чем-то похожие ситуации, то я бы привел пример Северной Ирландии в 1969–1998 гг. Там был раскол населения по религиозному признаку, но гражданская война на этой территории велась перманентно (и с помощью террора в том числе), при этом ее постоянно прерывали всякого рода революционные акции [см., например: Mitchell 2006]¹. Ситуация в США также в известной мере напоминает феодальные гражданские войны, например, в Англии в XII в., когда шел спор между двумя наследниками умершего короля Генриха I, элита делилась на две враждующие части и втягивала в это противостояние народные массы, особенно горожан.

Возникновению революции обычно предшествует революционная ситуация [Sanderson 2016; Хантингтон 2004; Голдстоун 2006; 2015; Скочпол 2017; Гринин 2017б]. Но не каждая революционная ситуация перерастает в революцию.

Революции – это всегда материализация недовольства, которое достигло уровня, превышающего допустимый для данного общества; это также концентрация недовольства в определенном месте и времени; сама возможность такой материализации и концентрации, а равно канализации ее под чьим-либо руководством и определяет возможность перерастания кризиса в революцию.

Многие помнят три признака революционной ситуации, которые сформулировал В. И. Ленин [см., например: Ленин 1981: 69]: 1) низы не хотят жить по-старому; 2) верхи не могут управлять по-старому; 3) обострение нужды и бедствий народных масс сверх обычного. Последнее – нередкое явление, но не универсальное, рост недовольства выше допустимого может быть вызван и иными причинами.

¹ Террор для США в целом нехарактерен, однако стоит вспомнить историю ку-клус-клана (ККК), прежде всего первого (их было три, они возникали один за другим с длительным перерывом). Первый ККК был террористическим и представлял собой форму борьбы побежденной рабовладельческой элиты с победителями, которая сумела привлечь на свою сторону массы людей. Так, уже к концу 1868 г. (то есть через три года после окончания гражданской войны) число его членов достигло 600 тыс. человек. В большинстве своем это были солдаты и офицеры армии южан. Борьба бывших рабовладельцев, несмотря на разгром этой тайной организации в начале 1870-х гг., закончилась некоторым успехом южан, сумевших создать условия, при которых они могли держать освобожденных негров в жесткой узде.

ми. В частности, накануне Майдана в конце 2013 г. на Украине ни о каком обострении нужды и бедствий украинцев и речи не было. В США есть некоторые признаки того, что верхи не могут управлять по-старому (для примера можно привести невиданную эмиссию в этом году и сознательный обвал экономики). Что касается низов, то до недавнего времени они были в основном довольны, но COVID-19 и связанные с этим ограничения и тяготы серьезно меняют ситуацию.

Современные социологи и политологи говорят о следующих условиях как о важных для революционной ситуации:

1) Усиление так называемой депривации [Davies 1969; Gurr 1968; 2015], то есть ощущения неудовлетворенности в связи с, например, относительным обнищанием, когда в целом условия жизни терпимые, но разрыв в уровне жизни с другими слоями населения растет. Для более или менее богатых стран это более важно, чем обострение нужды. Сказанное хорошо иллюстрирует ситуация в нынешних Соединенных Штатах, где верхняя часть среднего класса в целом улучшает свои условия, а нижняя – ухудшает, не говоря уже о слоях ниже среднего класса.

2) Очень важным условием является раскол элит [Годстоун 2006; 2015], особенно наглядно проявляющийся в США. Раскол очень сильный, очевидный, никем не оспариваемый и в определенной степени политически оформленный по партийной принадлежности. Раскол элит позволяет революционному движению оформиться. Кроме того, важно, что элиты имеют престиж, организационный опыт, определенные структуры и огромные ресурсы. Все это повышает шансы революций. Вспомним, что даже крестьянские войны порой организовывались именно элитой (такой была, в частности, крестьянская война Ивана Болотникова в начале XVII в. в России). Некоторые политологи, например Дж. Годстоун, даже считают, что в большинстве случаев именно элиты мобилизуют население и помогают ему свергнуть режим. Если протесты чернокожих утихнут, можно будет организовать иные.

3) Важное условие революционного подъема и начала революции – мобилизация масс [Tilly 1975; 1978]. С этим в США тоже, кажется, все в порядке. Элиты, оттесненные от политической власти и каких-то «кормушек», умеют очень быстро организовывать протестную активность масс, тем более управляя всеми СМИ. Эти элиты используют различные организации и большой опыт мобилизации масс и технологии организации протестов. При этом важно, что есть возможность организовать протесты по всей стране, поскольку партийные группы и ячейки, а также ячейки различных неправительственных организаций имеются в огромном количестве мест. Мало того, эта элита способна поднять протестующих по всему миру. «Когда чихает Париж, простужается Европа», – говорили в середине XIX в. Сегодня в Соединенных Штатах только подумают чихнуть, а у всех уже насморк.

В отношении США, очень условно говоря, борьба идет между националистами (представителями национального производства и капитала) и глобалистами. Последние представляют симбиоз разных сил, во многом направляемых узкой, но исключительно влиятельной группой крупнейших финансовых и иных международных корпораций или других игроков, поддерживающих, в частности, их курс политических партий. При этом глобальные игроки не афишируют свои истинные

стремления, стараются сохранить анонимность, скрывают свои действия за действиями тех движений (в частности, цветных, женщин, сексуальных меньшинств, левых и т. п.), политиков, СМИ и т. п., которыми они управляют или на которые могут влиять. И эта борьба принимает все более острые формы, грозя Соединенным Штатам внутренними смутами.

Для глобалистов использование могущества США, их имперских и геополитических амбиций – главный источник их силы. Ослабление помощи американского государства в осуществлении их планов (тем более если американское государство начнет притеснять эти компании) способно сильно ослабить и мощь этих глобальных групп. И это одна из главных причин того, что борьба за президентство в США сегодня столь остра. Демократы обычно более склоняются к глобалистам, чем республиканцы, которые больше тяготеют к националистам и консерваторам.

Классическая революция возникает обычно в результате формирования кризисной ситуации вследствие проигранной войны, перенапряжения финансов и финансового кризиса правительства, ухудшения материального положения части или всего населения, превышения уровня несправедливости и т. п. [см., например: Скочпол 2017; Sanderson 2016]. Вспомним Великую французскую революцию, причиной которой стал жесточайший финансовый кризис, русские революции, которые возникли в результате проигранных войн. Но в США главный мотор движения к революционной ситуации связан с глубоким расколом элит. И здесь события развиваются по сценарию древнегреческих полисов, где было много революций, так как почти в каждом полисе постоянно враждовали демократы и аристократы, время от времени какая-то партия побеждала, тогда представители другой партии нередко покидали город и основывали новые колонии.

Революционная ситуация в целом свидетельствует о жестком расколе населения (всего населения, а не только элит) по политическим, идеологическим и другим убеждениям. Однако в США идет раскол не по классическому сценарию, когда недовольные (народные массы и часть среднего класса) составляли основную массу населения, поэтому общество разделялось на большинство и относительно небольшое меньшинство. Именно относительная малочисленность сторонников старого режима во многих революциях и обеспечивала первичный успех революций². В США же раскол идет по идеологическому принципу (который в значительной степени еще коррелирует с расовой принадлежностью и признаком коренных-некоренных жителей, а также приверженностью религии): общество можно условно разделить на консерваторов, в том числе и бедных, которые считают, что либералы (синоним левых в США) довели страну до плачевного состояния; и демократов, которые считают, что надо поощрять всякие меньшинства. И раскол этот, как свидетельствуют выборы, разделил страну по количеству населения практически пополам (но число штатов у красных-республиканцев и синих-демократов, конечно, различается, так как штаты очень сильно различаются по числу жителей) [Сабитова и др. 2016]. Собственно, и Гражданская война в США

² Но впоследствии в результате эксцессов революции к этому меньшинству начинали примыкать колеблющиеся сторонники революции.

в 1861 г. также расколола страну пополам (если рассматривать по числу штатов; по количеству населения северян было существенно больше, хотя и сочувствующих южанам на Севере было немало). Интересно отметить, что это деление во многом сохраняется (то есть потомки южан голосуют за Трампа и республиканцев, а потомки северян – за демократов). Большинство южных и многие западные штаты – за Трампа. Конечно, есть изменения, которые связаны с заселением Запада (в 1861 г. он был практически не заселен) и тем, что в последние семьдесят лет возникли иммигрантские штаты. Но, напомним, на более глубоком уровне идет борьба между элитами, больше поддерживающими национальные аспекты развития и национальный капитал, и элитами, склонными к поддержанию глобальных интересов финансового капитала и различных сил, связанных с ним или находящихся у него на содержании.

Отметим еще несколько имеющих место в Америке моментов, которые характерны как для периода нарастания революции, так и для формирования революционной идеологии, а также ритуалов, которые возникают уже в ходе революции. В США, как уже говорилось, из-за существенных особенностей все перемешалось, некоторые моменты опережают общее развитие событий.

На что следует обратить внимание:

- Рост социалистических настроений, которые пока крепнут не только за счет собственно левого и социалистического крена ряда политиков (и общего сдвига влево), их программ и риторики, но и благодаря активной деятельности ветвей власти. Коронавирус и последующая раздача денег, собственно, резко усилили левый тренд в обществе. Он все заметнее будет овладевать массами. При этом попытки свернуть с этого пути будут восприниматься значительной частью населения как недопустимые. Таким образом, наряду с расколом общества по вопросам толерантности к ЛГБТ, цветным, иммигрантам, отношению к религии, абортам и прочему, что не является судьбоносным для большинства людей, будет усиливаться раскол по отношению к социалистическим требованиям. А это, если не будет постоянного и все возрастающего роста национального долга, может привести к обострению проблемы налогов. Если не будет напечатанных денег, то требования «раскулачить» богатых, тот самый 1 % (а это прежде всего глобалисты-финансисты), о котором все время говорят, станут звучать все чаще³. А постоянный рост долга, если ФРС будет его скупать, чреват ростом инфляции.

- Подрыв авторитета властей. Конечно, в США никого не удивит критикой президента, на этом основана американская политика, но процесс в последнее

³ Можно напомнить, что в древних Афинах граждане не платили налоги, но там имели место так называемые литургии, то есть обязанность богатых членов полиса платить за какие-либо общие дела, обычно празднества или военные нужды, или на свои средства что-либо делать: чинить и строить корабли, что-то ремонтировать и т. п. После поражения от Спарты в IV в. до н. э. Афины обеднели, в результате необходимость финансировать литургии усиливалась, так что богатые все больше жаловались на эту обязанность. Причем был введен институт особых шпионов (сикофантов), которые доносили, если кто-то пытался приbedниться или уклониться от литургий. Существуют опасения, что когда-нибудь налоговое и иное бремя на богатых (например, мекенатство и пожертвования) в США резко возрастет. Хотя сегодня они и сами, пока их гигантские состояния поддерживают усилия ФРС, иногда выступают с такими заявлениями.

время усугубился. Спецслужбы замараны и стали откровенно ангажированными. Американские военные грозят неповиновением президенту (недавно прозвучали заявления, что армию нельзя использовать для ликвидации беспорядков). И, наконец, последние требования прекратить финансирование полиции, роспуск полицейского департамента в Миннеаполисе и тому подобное – все это тревожные звоночки. Вообще в последних лозунгах протестующих, которые активно подхватили демократы и левые, очень явно проступают анархистские мотивы. Это обычно характерно для уже побеждающей революции (но в США все идет собственным путем, хотя в известной мере черные и побеждают). Массы наступают под лозунгом «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...». Что бывает затем, всем известно. Но стремление ломать все старые институты, которые охраняют общество, часто захватывает и интеллигенцию, которая потом первая начинает жаловаться на революционные эксцессы.

- Резкая смена поведения представителей элиты происходит во время революционной волны, когда элита все заметнее сочувствует угнетенным, ощущает свою вину за праздную и несправедливую жизнь, начинает рассматривать революционеров (среди которых масса всевозможных темных личностей) как героев, выражает солидарность с протестующими. Это явный признак утраты элитами инстинкта самосохранения, о котором сказано в Приложении к статье. Поскольку в США волну нагоняет оппозиционная элита, это очень заметно по риторике СМИ и тех политиков, которые стремятся либо приспособиться к волне, либо избежать критики.

- Связанное с вышесказанным распространение революционных ритуалов и принуждение к революционным формам поведения. После февраля 1917 г., например, некоторые члены царской семьи надели красные банты. В Советской России и позже в СССР, а также в нацистской Германии (где, по сути, также произошла революция, но только власть была захвачена мирным путем) были распространены принуждения к различным формам революционных приветствий и ритуалов, а также самокритика, разоружение перед революцией, пролетариатом, партией, фюрером и т. п. В США вставание на колени, в том числе политиков и полиции, стало массовым, как и ритуальное осуждение «глупого» расизма, а также всякого рода присяги мертвым героям (кстати, Украина – очень хороший пример принуждения к революционным ритуалам типа «Героям слава!»). Вызвала бурную реакцию и информация о том, что в Америке белые полицейские омыли ноги чернокожим пасторам и покаялись за расизм. Вспомним, что и на Майдане полицейских ставили на колени, чтобы они каялись. Отметим, что снос памятников и усиление цензуры – это весьма распространенные ритуалы и революционного подъема. В США это стало частью гибридной войны. Налицо также усиление цензуры (которая по факту давно введена), борьба с инакомыслием, жесткие репрессии против любого человека (бизнесмена, спортсмена, актера), если он говорит то, что не нужно, по мнению контролирующих органов, а также идеологизация общественной жизни.

- Действия черных и белых радикалов в США сегодня напоминают поведение хунвейбинов, которых власть натравливала на социально чуждые элементы

и которые, кстати, также заставляли профессоров просить прощения на коленях за идеологические ошибки. И эта знаменитая «культурная революция» также была вызвана отчасти борьбой внутри правящей элиты в коммунистическом Китае в начале 1960-х гг. Отношение к темнокожим и всепрощенчество также во многом напоминают нам перевоспитание хулиганов в СССР, выходки которых объяснялись трудным детством и тем, что коллектив не проявил к ним внимания.

Словом, в США наблюдается довольно много признаков и черт, характерных для революционного подъема.

Теперь обратимся к описанию того, что можно назвать революционной ситуацией. В теории здесь далеко не все просто, но для облегчения восприятия мы приводим собственную схему, показывающую определенный путь от роста недовольства и проблем к революции. Если вы посмотрите на схему, то увидите, что путь до революции не такой быстрый. Сначала под влиянием различных указанных противоречий и факторов (см. схему на рис. ниже) должна сложиться общая революционная ситуация, в результате которой создается ситуация устойчивого раскола общества и стремления одной ее части изменить ситуацию в свою пользу тем или иным путем, причем не обязательно легитимным.

Такая ситуация может существовать довольно долго, то обостряясь, то затухая. Но в какой-то момент ухудшение обстановки ведет к возникновению предкризисной ситуации, в процессе которой то или иное событие может вызвать лавину (триггерное событие), тогда возникает непосредственная революционная ситуация, от которой путь к революции уже, несомненно, ближе.

Одними из условий для возникновения непосредственной революционной ситуации являются: 1) негибкость (неуступчивость) поведения правящей элиты как фактор, в итоге ведущий к революционной дестабилизации. В данном случае элита США пока ведет себя достаточно гибко; 2) режим должен терять авторитет и быть недостаточно репрессивным, опасаться репрессий. А у протестующих такое поведение власти, напротив, вызывает чувство победы, ощущение вседозволенности, отсутствие страха. И в результате революционное движение может резко усилиться. Данная черта в последних протестах проявилась очень ярко. Республиканцы боятся репрессий и жесткого подавления бунтов (а там, где такие попытки предпринимаются, они оказываются неэффективными). Демократы же и вообще явно выступают против этого. «Понять, простить и каяться» – вот их слоган.

Для формирования непосредственной революционной ситуации, то есть накопления горячего материала в обществе в большом количестве, нужно, чтобы «из искры возгорелось пламя». Иными словами, требуется эта самая «искра», триггер, то есть повод, причина, случай, который разжигает недовольство. При накоплении недовольства неудивительно, что им может стать почти любое событие. Но тем не менее такой триггер не всегда появляется в нужное время и в нужном месте. Вот почему революционеры нередко прибегают к провокациям, чтобы создать повод для протестов.

Рис.

По нашему мнению, после прихода к власти Д. Трампа в США настолько обострились внутриэлитные противоречия, что страна довольно быстро приближается к вступлению в стадию общей революционной ситуации, что означает уже постоянный раскол общества, постоянную его поляризацию с «перетягиванием одеяла». Если Трамп пойдет на второй срок, можно считать, что страна вступила в общую революционную ситуацию, в процессе которой она начнет приближаться к предреволюционному кризису. Если Трамп проиграет, то противоречия внутри элиты перестанут принимать столь острые формы, поскольку, по нашему

мнению, республиканцы не способны так наступать на оппонентов по всем фронтам, как демократы (с подачи глобалистов).

В последнее время обозначился механизм, с помощью которого можно попытаться оспорить выборы и значительно затянуть оглашение окончательных результатов. Это так называемое голосование по почте, к которому из-за пандемии предлагают присоединиться многим миллионам людей (условно, в целях личной безопасности). В результате сторонники демократов, которые выступают за этот способ, уже говорят о том, что объявление результатов выборов 4 ноября 2020 г. на следующее утро или даже через день невозможно, а следует говорить об «избирательном месяце», чтобы посчитать все бюллетени. А с учетом того, что результаты можно оспаривать в каждом штате, процесс может затянуться надолго. И вот это состояние неясности вполне может спровоцировать тот триггер, о котором сказано выше и который может подтолкнуть страну к революционной ситуации.

Как мы уже говорили, в США внутренняя борьба приняла характер гибридной гражданской войны: это будет ослаблять страну, делать ее внешнюю политику все большей заложницей внутриполитической борьбы.

Таким образом, в США имеются важные условия для формирования революционной ситуации, и далее ситуация будет, по-видимому, усугубляться. Чем больше американцев будут сочувствовать «обездоленным» и «обиженным» меньшинствам, тем легче будет «расшатать» порядок. В то же время тем больше будет кровавых эксцессов, поскольку значительная часть людей не намерена жертвовать своей собственностью в угоду погромщикам.

Однако в современной теории революций есть убеждение, что в развитой демократической стране (тем более с высоким уровнем жизни) революций произойти не может, так как острые вопросы могут решаться законным путем и при помощи выборов. Действительно, в подобных странах революций не было. Однако в них наблюдались движения революционного типа, в 1968 г.⁴, в 2019 г. во Франции и Гонконге, а также имелись и национальные (национально-конфессиональные): в Северной Ирландии, части Великобритании. Но отметим, что ни в одной из развитых стран не наблюдалось такого раскола элит, как в США. Поэтому революция при резком ухудшении материального положения в стране возможна. Пока эти проблемы решаются с помощью денег, долговых и напечатанных. Однако цветное население как революционный авангард будет время от времени поднимать протестную волну, которой, по-видимому, оппозиционная элита будет все активнее пользоваться, разрушая институты общества.

* * *

Итак, резко усилившийся раскол американской элиты представляет сегодня важнейшую черту американской действительности. И если этот раскол будет усиливаться, то Америку ждут серьезные испытания и кризисы. В обществе все больше людей ощущают приближение какого-то сильного кризиса. В таких ситуациях американцы традиционно увеличивают закупки оружия для личной без-

⁴ В отличие от Франции, где не было очевидных поводов для волнений, в США протесты 1960-х гг. совпали с недовольством войной во Вьетнаме и убийством Мартина Лютера Кинга.

опасности. В условиях увеличения опасности уличных погромов полки оружейных магазинов в буквальном смысле опустели, возник дефицит оружия, а места в тирах и на стрельбищах расписаны на месяцы вперед. При этом очень характерно, что 80 % покупателей – те, кто ранее не имел оружия.

Ощущение надвигающихся столкновений, возможности насильственного решения вопроса о власти открыто обсуждается в печати. В таком случае недалеко до самосбывающегося пророчества. «Демократы открыто заговорили о том, чтобы устроить в США государственный переворот», – пишет, например, Майкл Энтон [2020]. В связи с его статьей стоит указать на еще один очень важный момент. Для победы революции крайне важна позиция армии (полиции и других силовых структур [см., например: Голдстоун 2015]). Полицию в США сегодня буквально загнали в угол, многие боятся применять силу против погромщиков, и это явно на руку последним. Что касается армии, то ее поддержка откровенно антигосударственных действий пока выглядит маловероятной (хотя тот же Энтон [2020] на это не просто намекает, а вполне конкретно анализирует данный вопрос). Однако вполне вероятно, что армия откажется участвовать в подавлении беспорядков. Она для этого действительно привлекалась крайне редко, обычно беспорядки подавляли с помощью Национальной гвардии. Но всегда ли она будет верна президенту?

Главный вопрос любой революции – вопрос о власти [Ленин 1969: 145]. В США вопрос о власти весьма слабо прикрывается идеологическим флером, и на данный момент он стоит исключительно остро. Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса. Процесс передачи власти в конце 2020 – начале 2021 г. в США едва ли будет мягким. А это значит, что политическая машина Америки серьезно деформирована, соответственно, цена вопроса передачи власти для общества будет высокой.

И поскольку демократическо-либеральная часть элиты во многом представляет глобалистов и так называемых фининтерн, а республиканско-консервативная часть – антиглобалистов, то перипетии этой борьбы будут отзываться во всех странах, разрушая старый порядок на всех уровнях. А в условиях нового порядка прежней гегемонии США уже явно не будет.

Приложение

Утрата элитой чувства самосохранения

Говоря о современных событиях в Америке, также можно сделать вывод, что нынешние элиты в США теряют чувство самосохранения. Это случается время от времени в определенные сложные периоды, в том числе и на начальных фазах

революции⁵. Элиты не просто оказываются не готовыми к тому, чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся угрозы народных волнений и поддержать неустойчивую власть, которая, несмотря на все ее недостатки и пороки, им гораздо ближе. Они и сами либо фрондируют этой власти, либо прямо агитируют против нее, приветствуя революционеров и надвигающуюся революцию, а то и непосредственно в ней участвуют. Прозрение наступает только уже в ходе революции, особенно когда революционная ломка охватывает широкие слои населения и различные институты и для такой ломки привлекается террор, порой и после революции. Так, в феврале – марте 1917 г. все командующие фронтами поддержали революцию в Петрограде, и ни один из них не поддержал императора и главнокомандующего Николая II: напротив, все рекомендовали ему отречься от престола. И только позже они поняли, что революция, с которой они почему-то связывали надежды на активизацию военных действий, ведет Россию к военному поражению и катастрофе.

В 1991 и 1992 гг. лидеры Коммунистической партии СССР и новорожденной КПРФ с легкостью дали разрушить и СССР, и КПСС. В 1993 г. во время противостояния президента и Верховного Совета многие из них за это поплатились.

Однако такая потеря воли к власти и чувства самосохранения характерна не только для России, но и для многих других революционных эпох.

В мае 1789 г. в Париже собрались Генеральные штаты. Выборы происходили по сословному признаку. Однако в итоге очень многие делегаты от дворянства и духовенства присоединились к делегатам третьего сословия, чтобы составить революционное Учредительное собрание, которое своими декретами и начало, по сути, Великую французскую революцию. А ведь дворянство и духовенство во Франции пользовались исключительными льготами⁶.

Отметим, что инстинкт самосохранения, потеря чувства необходимости бороться за власть, за сохранение своих позиций могут утрачиваться и в другие переломные эпохи. Так, поразительно беспомощными и не готовыми ничем жертвовать ради страны выглядели французские военачальники в 1939–1940 гг., сдавшие Францию врагу уже после первого поражения. Это удивительное (после столь мощной активности в Первую мировую войну) малодушие, впрочем, стало заметно уже с середины 1930-х гг., когда Франция сдавала одну свою позицию за другой поднимающейся, но еще достаточно слабой Германии.

Почему происходит такая потеря чувства самосохранения? Этот вопрос требует изучения [о некоторых причинах см. подробнее: Гринин 2017б].

Что касается США, то, по нашему мнению, американская элита после крушения СССР стала терять чувство меры. В результате резко усилилось представле-

⁵ С. Хантингтон [2004: 278] также отмечает утрату «прежней элитой воли к власти и способности управлять» перед революцией. Но бывают ситуации, когда элита теряет именно инстинкт самосохранения. К этому также может добавляться стремление подражать более развитым обществам, вводя учреждения и институты, которые не соответствуют интересам элиты и к которым общество не готово. Введение демократических институтов, в результате чего элита может потерять свою власть, – нередкий случай. На нашей памяти это произошло в период правления М. С. Горбачева, при этом никакой особой нужды для такого крутого поворота к демократии не было.

⁶ Характерно, что король все-таки приказал лейб-гвардии разогнать непослушных депутатов, но когда гвардейцы пытались войти в зал «Малых забав», где те собрались, дорогу им со шпагами в руках преградили маркиз де Лафайет и еще несколько оставшихся знатных дворян.

ние о вседозволенности, о том, что американская держава настолько велика и могуча, что допустимо все. Во-первых, допустимо все в отношении других стран. Здесь стоит вспомнить мысль Джавахарлала Неру, который писал: «В истории наций наблюдается три стадии: успех, последствия успеха – высокомерие и несправедливость, а затем уже, как их следствие, – падение» [Неру 1977: 90]. Высокомерия и, добавим, вместе с тем полного невежества многих людей на высоких постах в отношении других стран сейчас в США хоть отбавляй. Санкции сыплются как из рога изобилия, звучат абсолютно бездоказательные обвинения, одно абсурднее другого.

Во-вторых, развитие идет в направлении, предполагающем, что ради власти и своих интересов допустимо все и внутри собственной страны. Как известно, Соединенные Штаты разработали и отточили технологии «цветных революций» в других странах. Теперь, когда на кону главный приз, – президентская власть, эти технологии стали использоваться и внутри самих США. Вместе с тем для победы используется технология разрушения экономики, сродни тому, что происходит в период горячей гражданской войны. Чувство меры и самосохранения окончательно покидает американские элиты.

Литература

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Гринин Л. Е. Революция в России и трансформация Мир-Системы // Век глобализации. 2017а. № 3. С. 97–112.

Гринин Л. Е. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд // Историческая психология и социология истории. 2017б. № 2. С. 5–42.

Гринин Л. Е. Революции, исторический процесс и глобализация // Век глобализации. 2018. № 4. С. 16–29.

Гринин Л. Е., Коротаяев А. В. Восток и социальная эволюция (в печати) // Полис. 2020. № 5.

Ленин В. И. О двоевластии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. М. : Полит-издат, 1969. С. 145–148.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М. : Политиздат, 1981. С. 1–104.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. М. : Прогресс, 1977.

Сабитова А., Тихонов Д., Токарева А. «Мы будем учитывать интересы и других стран» [Электронный ресурс] : Коммерсант. 2016. 8 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3135943>.

Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая М. : Ин-т Гайдара, 2017.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция, 2004.

Энтон М. The American Mind (США): грядущий переворот? [Электронный ресурс] : ИноСМИ. 2020. 6 сентября. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200906/248068723.html> (дата обращения: 10.09.2020).

Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. 2011. No. 35(2). Pp. 167–207.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. No. 27(1). Pp. 5–19.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // *Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective* / ed. by B. McLaughlin. New York, NY : Free Press, 1969. Pp. 85–108.

Goldstone J. A. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley : University of California Press, 1991.

Gurr T. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // *American Political Science Review*. 1968. No. 62(04). Pp. 1104–1124.

Gurr T. *Why Men Rebel*. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2015.

Halliday F. *Revolution and World Politics*. Durham : Duke University Press, 1999.

Mitchell C. *Religion, Identity and Politics in Northern Ireland*. Farnham : Ashgate Publishing, 2006.

Mitchell L. A. *The Color Revolutions*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012.

Sanderson S. K. *Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention*. 2nd ed. London : Routledge, 2016.

Tilly C. *Revolutions and Collective Violence* // *Handbook of Political Science* / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.

References

Goldstone J. К теории революции четвертого поколения [Toward a Fourth Generation Revolution Theory] // *Logos*. 2006. No. 5. Pp. 58–103.

Goldstone J. *Революции. Очерк краткого введения* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2015.

Grinin L. E. Революция в России и трансформация Мир-Системы [The Revolution in Russia and the World-System's Transformation] // *Vek globalizatsii*. 2017a. No. 3. Pp. 97–112.

Grinin L. E. Революции. Взгляд на пятисотлетний тренд [Revolutions. A Look at a Five Hundred Year Trend] // *Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii*. 2017b. No. 2. Pp. 5–42.

Grinin L. E. Революции, исторический процесс и глобализация [Revolutions, Historical Process and Globalization] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 4. Pp. 16–29.

Grinin L. E., Korotaev A. V. Восток и социальная эволюция [East and the Social Evolution] // *Polis*. 2020. No. 5 (in Press).

Lenin V. I. *Детская болезнь "левизны" в коммунизме* [Children's Disease of "Leftism" in Communism] // *Poln. sobr. soch. [collected works]*. 5th ed. Vol. 41. Moscow : Politizdat, 1981. Pp. 1–104.

Lenin V. I. O dvoevlastii [On Dual Power] / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. [collected works]. 5th ed. Vol. 31. Moscow : Politizdat, 1969. Pp. 145–148.

Nehru J. Vzgljad na vseмирnuju istoriju [Look at the World History]: in 3 vols. Moscow : Progress, 1977.

Sabitova A., Tihonov D., Tokareva A. My budem uchityvat' interesy i drugih stran [We Will Take into Account the Interests of Other Countries] : Kommersant. 2016. November 8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3135943>.

Scopol T. Gosudarstva i social'nye revoljucii. Sravnitel'nyj analiz Francii, Rossii i Kitaja [States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China]. Moscow : Gaidar Institute, 2017.

Huntington S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah [Political Order in Changing Societies]. Moscow : Progress-Tradicija, 2004.

Anton M. The American Mind (SShA): grjadushhij perevorot? [The American Mind (USA): A Coming Coup?] : InoSmi. 2020. September 6. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200906/248068723.html> (accessed: 10.09.2020).

Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History. 2011. No. 35(2). Pp. 167–207.

Davies J. C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. No. 27(1). Pp. 5–19.

Davies J. C. 1969. Toward a Theory of Revolution // Studies in Social Movements. A Social Psychological Perspective / ed. by B. McLaughlin. New York, NY : Free Press. Pp. 85–108.

Goldstone J. A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley : University of California Press, 1991.

Gurr T. A Causal Model of Civil Strife: a Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. No. 62(04). Pp. 1104–1124.

Gurr T. Why Men Rebel. Abingdon-on-Thames : Routledge, 2015.

Halliday F. Revolution and World Politics. Durham : Duke University Press, 1999.

Mitchell C. Religion, Identity and Politics in Northern Ireland. Farnham : Ashgate Publishing, 2006.

Mitchell L. A. The Color Revolutions. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2012.

Sanderson S. K. Revolutions. A Worldwide Introduction to Social and Political Contention. 2nd ed. London : Routledge, 2016.

Tilly C. Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science / ed. by F. Greenstein, N. Polsby. Reading, MA : Addison-Wesley, 1975. Pp. 483–555.

Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading, MA : Addison-Wesley, 1978.